

ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА: БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИЗМУ

УДК 159.923.2, 316.6, 323.28

О роли психологии в профилактике терроризма

А. Г. Каряни

Психология терроризма и антитеррористической деятельности становится весьма популярным объектом исследования. Это обусловлено как высокой актуальностью и социальной значимостью проблемы, так и ее исследовательской привлекательностью. Действительно, исследовательская деятельность в этой области хорошо финансируется, и научные труды негласно пользуются особым статусом. Диссертации по антитеррористической проблематике проходят «на ура», у их авторов неожиданно обнаруживается некая харизма. Все это обуславливает широкое вовлечение в процесс изучения терроризма большого числа исследователей.

характеристик террористических сообществ.

Кажется, такая ситуация должна радовать. Но на практике возникает явление, которое в психологии войсковой маскировки называется «сокрытием цели среди множества ложных объектов». Количество публикаций значительно превышает их качество.

Дело здесь не только в том, что научные труды по терроризму нередко пишутся людьми, никогда не встречавшимися с террористами, не изучавшими документов допросов, характеристик, аналитических материалов. И даже не в том, что в этих исследованиях не выполняются требования к ре-

Каряни Александр Григорьевич
доктор психологических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ,
почетный доктор наук факультета
психологии МГУ им. М.В. Ломоносова,
лауреат Государственной премии
им. Маршала Советского Союза
Г.К. Жукова, президент межрегиональной
общественной организации «Общество
психологов силовых структур».

Любая идеология, по существу, есть заявление, послание, интеракция. Она предполагает наличие адресата, причем адресата «реагирующего», чаще всего – оппонента.

В научной и учебной литературе появилось множество классификаций террористических актов и мотивации участия в терактах, типологий личностей террористов, психологических

презентативности выборки, валидности и надежности методик и исследовательских процедур (большое количество этих типологий составлено не психологами).

Главное, что для решения подобных задач, на мой взгляд, явно не хватает методологической базы. Как говорил один известный политический деятель, философ и методолог В. Ульянов, — мы все время будем натекать на частности, пока не решим общих вопросов.

Существующее официальное определение терроризма, данное в соответствующем законе (от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»), на мой взгляд, не только не схватывает психологической сущности определяемого явления, но и недостаточно валидно. Оно гласит: «Терроризм — идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий». Именно это определение чаще всего берется психологами в качестве методологического конструкта.

Очевидно, что данная дефиниция, с психологической точки зрения, усеченная и односторонняя. В ней применена схема «субъект-объектных отношений». Субъект (терроризм) воздействует на объекты (органы государственной власти, местного самоуправления, международные организации) и это воздействие связано с воздействием на другой объект (население).

Однако, как известно, любая идеология, тем более идеология насилия, не может существовать вне социального контекста, вне процесса социального взаимодействия. Любая идеология, по существу, есть заявление, послание,

интеракция. Она предполагает наличие адресата, причем адресата «реагирующего», чаще всего — оппонента.

Преобладание политического компонента в рассматриваемом определении терроризма затрудняет постижение его глубинной природы.

Включение в поле действия определения терроризма таких форм преступного поведения, как телефонный и экономический терроризм, пиратство, не только расширяет, но и размывает границы этого понятия, что ведет к утрате его специфичности. В результате понятие «терроризм» все более сливается с понятиями «хулиганство», «стяжательство», «бандитизм».

Что является системообразующим в данном определении? *Мотивы* совершения терактов? Но среди таких мотивов и вера, и жажда личной славы и патологические стремления. С психологической точки зрения, деятельности, основанные на столь разных мотивах, суть разные деятельности. Насколько правомерно их объединять в единую группу?

Не могут составлять ядро рассматриваемого определения терроризма и *цели* террористических актов. Как можно сравнить цели «уничтожение как можно большего количества людей» и «срыв контрольной по математике» (телефонный терроризм)?

Трудно структурировать рассматриваемое определение терроризма и по *последствиям для самих преступников*. В одном случае это может быть

личное обогащение (в случае захвата заложников), в другом случае таким результатом может стать смерть.

Может быть, в основе определения лежат специфические *средства* совершения преступления? Тоже нет. Средства совершения терактов столь разно-

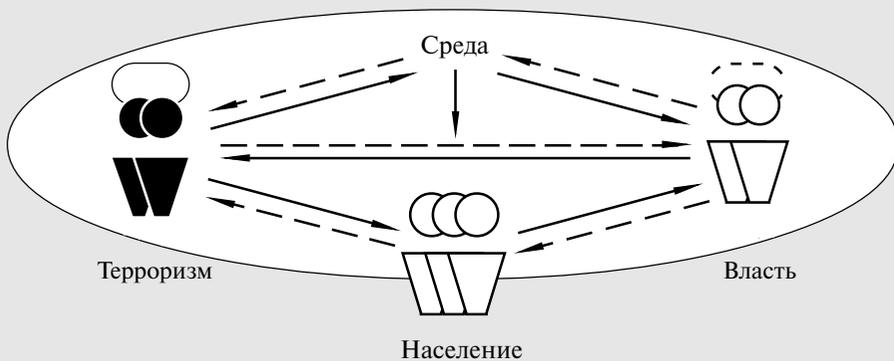
образны, что нет общего основания для их классификации.

Часто используемые для определения терроризма *страх* и *ужас* также перестают быть основаниями для его дефиниции. Появившиеся новые виды терроризма: кибертерроризм, экономический терроризм и другие, — выходят за пределы таких определений. Более того, практика показывает, что даже при совершении «традиционных» терактов значительная часть населения не только не пугается их, но и мгновенно подтягивается к месту трагедии, чтобы просто «побывать там».

Включение в поле действия определения терроризма таких форм преступного поведения, как телефонный и экономический терроризм, пиратство, не только расширяет, но и размывает границы этого понятия, что ведет к утрате его специфичности. В результате понятие «терроризм» все более сливается с понятиями «хулиганство», «стяжательство», «бандитизм».

Политическое определение, данное в Законе, с психологической точки зрения, не вполне валидно. Давайте задумаемся, что в большей мере подходит под это определение: месть смертницы, взрывающей бомбу в метро в отместку за уничтожение любовника-боевика, или убийство первого зампреда ЦБ РФ Андрея Козлова? Первое не нацеливалось на из-

Рисунок 1. Терроризм как стратегия поведения в социальном конфликте

менения в принятии решений органами власти, а второе именно на это и было нацелено.

Подходит ли под данное определение терроризма взрыв бомбы в редакции газеты «Московский комсомолец» в октябре 1994 года, в результате которого погиб корреспондент Дмитрий Холодов и была ранена сотрудница газеты? А явно нацеленное на устрашение наиболее активных журналистов, жестокое избиение Олега Кашина? Перечисленные основания приводят к выводу о том, что психология сможет приблизиться к пониманию сущности терроризма лишь тогда, когда абстрагируется от политических рамок дефиниции и выработает собственное определение этого явления.

Приступая к научному изучению терроризма, психология должна определить родовидовые связи этого феномена с базовыми категориями психологии, определить его место в системе хорошо изученных явлений. Наиболее эвристичным представляется рассмотрение терроризма с позиций психологической теории конфликта.

Очевидно, приступая к научному изучению терроризма, психология должна определить родовидовые связи этого феномена с базовыми категориями психологии, определить его место в системе хорошо изученных явлений. Наиболее эвристичным представляется рассмотрение терроризма с позиций психологической теории конфликта. При таком подходе терроризм будет пониматься как деструктивная асимметричная стратегия поведения в конфликте, реализуемая с использованием средств насилия (см. рисунок 1).

Такие асимметричные стратегии поведения в конфликте больше известны в психологии управления и семейной психологии. Они реализуются по типу «Если **ты** будешь мешать **мне**, я нанесу вред **ему**, я сделаю плохо **то-то**, и **тогда** будет плохо **тебе**».

Конфликтологический подход к пониманию терроризма, представлен-

ный на рисунке 1, позволяет сформулировать следующие положения.

I. Причиной появления терроризма могут быть:

- а) личные и групповые психологические проблемы,
- б) некоторые паттерны поведения властей,
- в) неблагоприятные изменения среды,
- г) формы активности населения.

II. Терроризм воздействует на органы государственной власти, местного самоуправления и международные организации:

- а) непосредственно (убийство представителей, препятствие в осуществлении функций),
- б) опосредованно (через устрашение населения, порождение у него не-

г) опосредованно через изменение собственных представлений власти о терроризме.

Представление о терроризме как о виде деструктивной стратегии поведения в конфликте открывает больший простор для понимания его природы и поиска средств профилактики. И при рассмотрении происхождения терроризма, и при организации его предупреждения и пресечения появляется возможность учитывать не только психологию организаторов и исполнителей терактов, но и тех, кто противостоит им, а также условия природной и техногенной среды, влияющие на проявления и живучесть этого явления.

Приоритетным объектом исследования должны стать социально-психологические условия, порождающие терроризм. Существующие типологии террористов свидетельствуют о том, что при определенных обстоятельствах, когда срабатывает «эффект Люцифера», совершить теракт может человек, обладающий практически любыми личностными чертами.

Опыт развития человеческого общества показывает, что терроризм возникает на почве определенных социально-психологических условий и исчезает вместе с их элиминацией. Вспомним, что в конце XIX — начале XX в.в. среди террористов в России был значительный процент лиц еврейской национальности. Это было связано с ущемленным положением этого народа, острыми проблемами с его идентичностью и т. д. Но с изменениями социально-психологических условий функционирования этой социальной общности исчезли обстоятельства, побуждавшие их к террористической деятельности. Аналогичные тенденции, связанные с угасанием терроризма, наблюдаются сейчас в Северной Ирландии, Испании.

И другой пример: как только греки почувствовали некоторую несправедливость в отношении к ним европейского сообщества, сразу же появились террористические формы активности в этой стране.

По-видимому, до сих пор имеются существенные проблемы в «социальном самочувствии» и у арабских народов. К сожалению, среди специалистов по противодействию терроризму

довольства властью, протестного поведения),

- в) опосредованно через социальную среду (создание угроз для существования власти),
- г) опосредованно через население (создание недовольства у населения неблагоприятными изменениями социальной среды).

III. Власти могут воздействовать на терроризм:

- а) непосредственно (переубеждение, устрашение, внушение, вербовка),
- б) опосредованно через социальную среду (создание барьеров на пути деятельности террористов, невыносимых условий жизнедеятельности),
- в) опосредованно через население (формирование враждебного отношения населения к террористам, закрытие каналов рекрутирования новых членов, предоставление информации властям о подготовке терактов),

мало людей, которые знают конкретные постулаты пресловутой «идеологии насилия». Можно предположить, что у арабов есть некоторые основания чувствовать враждебность социального окружения. Приведу лишь один пример: в 2008 году на одном из международных семинаров по антитеррору ведущий израильский специалист в этой области заявил, что арабы — это патогенная биомасса, недостойная существования на земле. Он сказал, что 300 миллионов арабов производят ничтожно малую часть совокупного общественного продукта, не дают миру выдающихся ученых, деятелей культуры и искусства, политиков. Не способствует ли такая позиция эскалации протестных действий арабов?

Вероятно, высокий градус протестных действий накоплен и в современной России в связи с чиновничьим произволом. Например, недавно по телевизионным каналам прошла информация о том, что руководитель одной из пензенских городских служб назначил себе оклад, превышающий заработную плату всех сотрудников этой организации вместе взятых. При средней зарплате сотрудников в 5 тыс. рублей он «оценил» свой труд в 200 тыс. рублей в месяц. Какие побуждения могут возникнуть у сотрудников этой службы?

Еще больший потенциал деструктивного поведения накоплен у российских граждан в связи с деятельностью чиновников ЖКХ. Методы их работы порой мало чем отличаются от методов рэкетиров. На их стороне правоохранительные органы, суд, судебные приставы. А требования ЖКХ выходят далеко за пределы физических и психологических возможностей людей и становятся практически несовместимыми с жизнью рядовых граждан.

Что должны изучать психологи в этом случае: типы личности протестантов или деструктивную деятельность чиновников?

Понимание терроризма в конфликтологической парадигме позволяет искать ресурс преодоления этого явления в стратегии поведения обеих сторон и в среде их взаимодействия. Например, 11 ноября 2010 года на пленарном заседании VI Международной конференции по противодействию терроризму было заявлено, что молодежь в Дагестане и ряде других северокавказских республик продолжает

идти к террористам. Ответить на вопрос «почему?» весьма сложно: придется выстраивать типологию мотивации реальных и потенциальных террористов в этой республике. Однако если переформулировать вопрос так: «Почему молодежь в Дагестане не идет к нам?», то дать ответ будет проще. Куда «к нам» идти молодежи? Мы можем предложить достойную работу, обучение в престижных местных вузах, посещение современных культурных и спортивных комплексов, программы досуга, отдыха и т.п.? Ответив на эти вопросы, мы найдем ответы о том, какими должны быть приоритетные направления профилактики терроризма в этом регионе.

В деле изучения терроризма психологии нужно вернуться на шаг назад. Необходимо вначале разобраться в психологической сущности исследуемого явления, «отбросить» все необоснованно «прилипшее» и лишнее, абстрагироваться от политических фреймов.

Мы считаем, что в деле изучения терроризма психологии нужно вернуться на шаг назад. Необходимо вначале разобраться в психологической сущности исследуемого явления, «отбросить» все необоснованно «прилипшее» и лишнее, абстрагироваться от политических фреймов. Здесь видится огромный фронт работы, в первую очередь, для методологов в психологии. Получив четкие представления о психологической сущности терроризма, психология сможет продумать свою миссию в деле его профилактики, выделить те его стороны, которые реально доступны для исследования и коррекции, предложить релевантные и валидные методы изучения данного феномена и в дальнейшем осуществлять целевые исследования конкретных проявлений терроризма.

Список литературы:

1. Глинский Я.И. Современный терроризм: кто «виноват» и что делать? // Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора: Сб. статей / Под ред. проф. М.М. Решетникова. — СПб: Восточно-Европейский ин-т психоанализа, 2004. — С. 19–26.

2. Давыдов Ю. Савинков Борис Викторович, он же В. Ропшин. Предисловие // Савинков Б.В. Избранное. — М., 1990.
3. Закон Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».
4. Иванич Ю. Наркотики и терроризм: паутинка зла. — М., 2005.
5. Крок Л. Психологическое воздействие терроризма // Человек в экстремальных и трудных ситуациях: Руководство для психологов. — М., 2004.
6. Куликов В.Б., Суслонов П.Е. Социально-психологический аспект политического экстремизма и терроризма // Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора: Сб. статей / Под ред. проф. М.М. Решетникова. — СПб: Восточно-Европейский ин-т психоанализа, 2004. — С. 287–292.
7. Манфред А.З. Великая французская революция. — М., 1983.

8. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. — М: Центр психологии и психотерапии, 1996.
9. Ольшанский Д.В. Психология террора. — Екатеринбург: Деловая книга; М.: Академический проект, ОППЛ, 2002.
10. Решетников М.М. Исламское противостояние и проблемы терроризма // Вестник психоанализа. — 2001. — №2. — С. 172–185.
11. Решетников М.М. наброски к психологическому портрету террориста // Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора: Сб. статей / Под ред. проф. М.М. Решетникова. — СПб: Восточно-Европейский ин-т психоанализа, 2004. — С. 341–343.
12. Решетников М.М. Терроризм: «активные» и «пассивные» союзники // Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора: Сб. статей / Под ред. проф. М.М. Решетникова. — СПб: Восточно-Европейский ин-т психоанализа, 2004. — С. 13–19.
13. Терракты в США: реакции // Америка: взгляд из России (до и после 11 сентября). — М., 2001. — С. 151–161.
14. Ястребов В.С. Терроризм и психическое здоровье: масштаб проблемы, толерантность населения, организация помощи // Журнал неврологии и психиатрии. — 2004. — №6. — С. 4–9.